

УДК 343.140.02

СЛЕДСТВЕННЫЕ И СУДЕБНЫЕ ОШИБКИ, СВЯЗАННЫЕ С НЕПРАВИЛЬНЫМ ПРИМЕНЕНИЕМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА И НАРУШЕНИЯМИ ЕГО ЗАПРЕТОВ

© Назаров А. Д., Майорова Л. В., 2016

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Анализируются следственные и судебные ошибки, связанные с неправильным применением уголовного закона, приведена их классификация. Обосновывается вывод о том, что нарушения запретов, установленных в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, являются основаниями для отмены решений органов предварительного расследования и суда. Дано сравнение с решениями Европейского суда по правам человека по таким институтам, как недопустимые доказательства, недопустимость провокаций. Рассматриваются вопросы соответствия правовым европейским стандартам законодательных положений по уголовным делам.

Ключевые слова: следственные ошибки; судебные ошибки; провокация преступлений; правовая определенность; уголовное судопроизводство.

Уголовно-процессуальная деятельность во многом связана с правильным применением материального (уголовного) права и ненарушением тех запретов, которые установлены УК РФ для субъектов, ведущих уголовный процесс.

Следственные и судебные ошибки, связанные с неправильным применением уголовного закона, заключаются: в неприменении органами расследования и судом нормы УК РФ, которая подлежит применению; в применении ими нормы, не подлежащей применению; в неправильном истолковании закона, противоречащем его точному смыслу.

Понятие «уголовный закон» включает в себя не только УК РФ: среди уголовно-правовых норм имеются нормы с так называемой бланкетной диспозицией, в которой не определяются все признаки состава преступления. Для их установления нужно обращаться к законодательным или иным нормативным актам из других отраслей права.

В. Н. Кудрявцев отмечает, что один из этапов применения нормы уголовного права состоит в принятии решения о том, какая именно уголовно-правовая норма предусматривает совершенное преступление, и в закреплении этого решения в уголовно-процессуальном акте. И это является квалификацией деяния [1].

Другие авторы дают несколько иное определение квалификации. Так, Б. А. Куринов определял квалификацию как процесс установления тождества конкретного случая при-

знакам состава преступления, указанного в норме Особенной части УК РФ [2].

Квалификацию определяют и как установление точного соответствия (тождества) совершенного лицом деяния (действия или бездействия) всем и в полном объеме признакам конкретного состава преступления, предусмотренного данной нормой Особенной части УК РФ, а в надлежащих случаях и Общей [3]. Иными словами, последнее может породить представление о квалификации как процессе применения преимущественно норм Особенной части. Однако нам представляется, что неправильное применение уголовного закона или применение закона, не подлежащего применению, касается практически всех норм Уголовного кодекса РФ.

Виды следственных и судебных ошибок, возникающих в результате неправильного применения уголовного закона, можно классифицировать в соответствии со структурой УК РФ:

1. Ошибки, связанные с неправильным толкованием действия уголовного закона во времени и в пространстве, — гл. 2 УК РФ.

К примеру, по-прежнему являются актуальными вопросы, связанные с правильным применением правила об обратной силе уголовного закона, закрепленного в ст. 10 УК РФ.

2. Ошибки, связанные с неправильным толкованием неоднократности, совокупности, рецидива преступлений, — гл. 3 УК РФ.

3. Ошибки, связанные с неправильным разрешением вопросов о возрасте, с которого наступает уголовная ответственность, о невменяемости и уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, — глава 4 УК РФ.

4. Ошибки, связанные с неправильным установлением формы вины в содеянном, — глава 5 УК РФ.

5. Ошибки, связанные с неправильным определением оконченного и неоконченного преступления — приготовления к преступлению и покушения на преступление, добровольного отказа от преступления — глава 6 УК РФ.

6. Ошибки, связанные с неправильным определением соучастия в преступлении, эксцесса исполнителя преступления, — глава 7 УК РФ.

Как показали наши исследования, особую сложность для практических работников представляет разграничение преступлений, совершенных по предварительному сговору группой лиц, организованной группой или преступным сообществом.

7. Ошибки, связанные с неправильным определением обстоятельств, исключающих преступность деяния, — глава 8 УК РФ (необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайняя необходимость, физическое или психическое принуждение, обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения).

8. Ошибки в квалификации общественно опасных деяний [4].

Проведенное нами исследование показало, что в практической деятельности органов расследования допускаются следующие ошибки при квалификации преступлений:

- «завышение» следователем квалификации (70,9 % случаев);
- неправильное определение объекта преступного посягательства (6,3 %);
- неправильное определение формы вины (6,2 %);
- неправильное применение правил неоднократности, совокупности, рецидива преступлений (5,8 %);
- неправильное определение соучастия в преступлении (5,6 %);
- иные (неправильное определение обстоятельств, исключающих преступность деяния, оконченность-неоконченность преступления и т. д. — 5,2 %).

Коснемся лишь самой распространенной ошибки в квалификации, допускаемой в ряде случаев следователем сознательно, — «завышения» квалификации деяния.

Начнем с того, что квалификация уголовно-наказуемого деяния, данная следователем, всегда является предварительной. Ее может исправить суд (судья) при дальнейшем продвижении дела на соответствующих этапах уголовного процесса.

Однако существование правила «запрета поворота к худшему» при переквалификации уголовно-наказуемого деяния порождает в деле следственные ошибки, исправление которых при утверждении обвинительного заключения прокурором без возвращения уголовного дела на дополнительное расследование становится невозможным. Если эта ситуация происходит в суде, то суд имеет возможность вернуть уголовное дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению.

Целесообразность и ценность этого правила заключается в том, что оно обеспечивает обвиняемому право на защиту, так как при существенном изменении обвинения (как по объему, так и по квалификации в сторону их увеличения) обвиняемый оказывается неготовым к защите.

Практические работники правоохранительных органов в стремлении застраховать себя от возвращения им дела на дополнительное расследование широко применяют при квалификации обвинения на следствии и дознании способ так называемой квалификации с запасом, т. е. в сложной ситуации с квалификацией уголовно-наказуемого деяния они квалифицируют его для подстраховки по более тяжкой статье (или части статьи) УК РФ, предусматривающей все квалифицирующие признаки деяния и максимальную меру наказания в санкции, рассуждая при этом, что при неподтверждении обвинения, недостаточности доказательств, изменениях в показаниях проходящих по делу лиц суд (судья) всегда без возвращения дела прокурору сможет переквалифицировать деяние в сторону смягчения его квалификации.

Подобного рода практика искусственно создает в уголовном деле следственные ошибки, имеет неблагоприятные уголовно-процессуальные последствия для обвиняемого, выражающиеся прежде всего в том, что квалификация его деяния по более тяжкой статье (части статьи) уголовного закона

может повлечь применение к нему самой строгой меры пресечения в виде содержания под стражей.

В связи с этим актуален вопрос об отказе в законодательном порядке от правила «запрета поворота к худшему» при переквалификации обвинения, так как оно при обеспечении определенных процессуальных процедур не влияет на право обвиняемого на защиту.

Вполне разумным было бы прокурору при утверждении обвинительного заключения выносить постановление об изменении квалификации деяния в худшую сторону при неизменных фактических обстоятельствах дела, установленных следствием, тут же ознакомить со своим постановлением обвиняемого и его защитника, предоставлять им возможность и разумно-необходимое время для подготовки к защите от новой квалификации их деяния, дополнительного ознакомления с материалами дела, дачи соответствующих пояснений в ходе допроса обвиняемого и заявления новых ходатайств.

Возвращение уголовного дела прокурору для переквалификации преступления — это оттяжка во времени наступления наказания.

В судебном заседании спор о квалификации идет открыто в прениях и государственный обвинитель первый предлагает квалификацию деяния.

Защитник, подсудимый в дальнейшем в своих выступлениях, прениях, репликах, наконец в последнем слове подсудимого могут возражать против изменения государственным обвинителем квалификации. Если им необходимо время и материалы уголовного дела для подготовки к возражениям и защите от предъявленного обвинения, суд (судья) по ходатайству защитника, подсудимого может сделать перерыв в судебном заседании.

В структуре следственных и судебных ошибок, истоки которых — в уголовном праве, важное место занимают фундаментальные ошибки. Современные реалии уголовно-процессуальной деятельности подвигли нас к выделению и изучению этого нового кластера ошибок [5].

В свое время существовавшая в ст. 405 УПК РФ конструкция «фундаментальные уголовно-процессуальные нарушения» являлась одной из самых дискуссионных категорий в уголовно-процессуальном законодательстве [6]. Законодательство разви-

валось в направлении отказа от понятия фундаментальных уголовно-процессуальных нарушений. Но мы, тем не менее, по аналогии с этим понятием полагаем возможным введение в научный и практический оборот понятия фундаментальной ошибки в уголовном судопроизводстве, потому что цена различных ошибок для человека, общества и государства различна. И там, где цена ошибки для человека, общества и государства очень велика, есть смысл, на наш взгляд, говорить о фундаментальности ошибки, что влечет повышенное внимание к ней исследователей и правоприменителей, особый уголовно-процессуальный механизм прогнозирования, выявления, устранения и предупреждения таких ошибок.

На наш взгляд, *фундаментальная ошибка* — это непреступные действия или бездействие субъектов, ведущих предварительное расследование и судебное разбирательство по уголовному делу, повлекшие особо существенные нарушения законных прав и интересов человека, общества и государства в уголовном судопроизводстве:

1. Непринятие субъектами, ведущими предварительное расследование и судебное разбирательство по уголовному делу, надлежащих мер к выявлению применения со стороны должностных лиц правоохранительных органов (прежде всего оперативных сотрудников) незаконного насилия (прежде всего пыток, физического насилия) в отношении «заподозренных» лиц, подозреваемых, обвиняемых для получения от них показаний о совершенном преступлении.

2. Непринятие субъектами, ведущими предварительное расследование и судебное разбирательство по уголовному делу, надлежащих мер к выявлению применения со стороны должностных лиц правоохранительных органов (прежде всего оперативных сотрудников) провокаций преступных проявлений.

3. Ошибки, допущенные субъектами, ведущими предварительное расследование и судебное разбирательство, в собирании, проверке и оценке доказательств по уголовному делу, применении материального закона, прежде всего неправильная квалификация деяния («квалификация с запасом» — «завышенная квалификация» и др.), в результате чего подозреваемый, обвиняемый незаконно заключен (не заключен) под стражу, незаконно содержится (не содержится) под стражей, незаконно осуж-

ден к чрезмерно суровому (особенно к реальному сроку лишения свободы) или чрезмерно мягкому наказанию.

Невыявление субъектами, ведущими уголовный процесс, применения незаконных методов в отношении подозреваемых, обвиняемых, подсудимых

Проблема использования «пыточных технологий» в деятельности должностных лиц правоохранительных органов, вовлеченных в орбиту оперативно-разыскного и уголовного процессов, борьба с пытками, другими жестокими, бесчеловечными или унижающими достоинство видами обращений являются актуальными для многих государств мира, в том числе и России.

Статья 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ) гласит, что «никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению или наказанию». Государство ни при каких обстоятельствах не имеет права отступать от требования этой статьи, что неоднократно подчеркивалось Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ или Суд).

Крайне тревожным выглядит то обстоятельство, что по ст. 2 (право на жизнь) и 3 (запрет пыток) ЕКПЧ в отношении России выносит ежегодно значительное количество постановлений.

Подозреваемый, обвиняемый в результате применения к нему со стороны работников правоохранительных органов незаконных методов на допросах у дознавателя, следователя, в суде «добровольно» дает показания о совершенном преступлении, которые могут быть как истинными (подозреваемый, обвиняемый, действительно, виновен, совершил преступление, но признание в совершении им преступления дал лишь после применения к нему насилия и пыток), так и ложными, в том числе оговор, самооговор. С таких недопустимых доказательств и начинается цепь следственных, прокурорских и судебных ошибок, а подчас и преступлений (к примеру, халатность), совершаемых при этом дознавателями, следователями, прокурорами и судьями.

Наше исследование, проведенное в Средне-Сибирском регионе в 2002–2015 гг., показало, что в 7 случаев во время предварительного расследования и в 12% случаев в ходе судебного разбирательства уголовно-

го дела обвиняемые (а также их защитники, законные представители) делали заявления о применении к ним в процессе дознания или предварительного следствия незаконных методов ведения расследования (чаще всего угрозы, избивание оперативными работниками или содержание в так называемых пресс-хатах СИЗО и др.) [7].

Статья 3 ЕКПЧ, как Суд уже много раз отмечал [8], «охраняет одну из основных ценностей демократического общества. Даже в наиболее сложных обстоятельствах, таких как борьба против организованного терроризма или преступности, Конвенция совершенно четко запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание. В отличие от большинства материально-правовых положений Конвенции и Протоколов № 1 и 4 статья 3 не предусматривает исключений и не разрешается ее частичная отмена: согласно статье 15, она не перестает действовать даже в случае чрезвычайного положения, угрожающего существованию нации» (курсив авт. – А. Н.) [9].

Никакая ситуация крайней необходимости не может оправдать применение пыток, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение.

В одном из своих постановлений ЕСПЧ указывает, что «независимо от того, какое воздействие оказали на исход уголовного судопроизводства признательные показания, полученные от заявительницы под давлением, это доказательство сделало уголовное разбирательство несправедливым... в настоящем деле было допущено нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции (п. 76 постановления)» [10].

Незаконные методы ведения предварительного расследования, будь то преступные (как выявленные, так и невыявленные, как доказанные, так и недоказанные) или не преступные, по результатам наших исследований, приводили в процессе доказывания по уголовному делу:

- к оговору или самооговору невиновных (9 % случаев);
- к неполноте, односторонности, необъективности в установлении всех обстоятельств по делу (27 % случаев);
- к существенным нарушениям уголовно-процессуального закона (13 % случаев).

На наш взгляд, использование в доказывании недопустимых показаний подсудимого, полученных в результате применения к

нему незаконных методов со стороны оперативных работников, следователей и т. д., не замеченных (не выявленных, не распознанных) или, что наиболее страшно, проигнорированных судьей, есть грубая судебная ошибка (в нашей классификации — фундаментальная ошибка) или, подчас, даже преступная халатность судьи.

Невыявление субъектами, ведущими уголовный процесс, ошибок, связанных с провокациями в оперативно-разыскной деятельности

На сегодняшний день устойчиво сохраняются преступные намерения определенного круга лиц. И если эти намерения касаются интересов личности и государства, частного бизнеса, то проблему необходимо решать самыми результативными средствами. Однако нередко правоохранительные органы настолько увлекаются служебными интересами и показателями раскрываемости, что, не задумываясь, применяют способы, которые самым непосредственным образом нарушают права человека. Такая деятельность сотрудников правоохранительных органов, казалось бы направленная на борьбу с преступлениями, фактически эти преступления порождает, «клонировает».

В силу многих причин, вытекающих из характера функционирования органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, провокация как метод борьбы с преступностью и раскрытия преступлений очень распространена и активно культивируется в правоохранительной системе.

Тема провокации на современном этапе выходит за пределы государства и приобретает особое звучание на международной арене, когда нарушения прав индивида находят свою защиту в Европейском суде по правам человека.

В этой связи весьма актуальной проблемой теории и практики оперативно-разыскной деятельности является определение допустимых пределов (в первую очередь, с правовой точки зрения) процедуры реализации оперативной информации с тем, чтобы действия оперативных сотрудников не превратились в провокацию преступлений [11].

Уголовный закон России содержит понятие провокации и устанавливает уголовную ответственность за нее, когда речь идет о провокации взятки либо коммерческого подкупа (ст. 304 УК РФ). Однако остались

за сферой уголовно-правовой регламентации такие виды провокационных действий, как провокация кражи, незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и т. д.

С. В. Позднышев считал, что «полиция должна предупреждать и пресекать преступления, а не создавать их сама; провокация противоречит цели полицейской деятельности, и как средство грязное и противное закону, не должна быть допустима и разрешаема. Таким образом, если целью деятельности подстрекателя является избличение подстрекаемого в совершении преступления или попытке его совершения, то подобная «благородная» цель не исключает привлечения его к уголовной ответственности за провокацию преступления» [12].

А. А. Пионтковский писал, что в отличие от подстрекателя провокатор «руководствуется не стремлением в своей деятельности причинить вред объекту, на который направлено действие исполнителя, а стремлением избличить преступника и передать его в руки государственной власти» [13].

Уголовные дела, имеющие провокационную природу, таят в себе большую опасность следственных, прокурорских, судебных ошибок из-за своей искусственности, неполной «настоящности».

Статья 89 УПК РФ в категоричной форме запрещает использовать в процессе доказывания по уголовным делам результаты оперативно-разыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом.

Не вызывает сомнений то обстоятельство, что опасность провокационного пути в получении доказательств для уголовного судопроизводства таится при проведении оперативно-разыскных мероприятий, особенно таких, как проверочная закупка, контролируемая поставка, оперативный эксперимент (п. 6, 13, 14 ст. 6 Закона РФ «Об оперативно-разыскной деятельности»).

Ученые-правоведы нечасто, но с тревогой высказываются по проблеме провокаций в уголовном процессе, исходящих от сотрудников оперативных подразделений правоохранительных органов [14].

К сожалению, несмотря на признание юрисдикции ЕСПЧ после ратификации Конвенции, российские правоохранительные органы длительное время не учитывали соответствующие правовые позиции ЕСПЧ

относительно недопустимости провокации преступления, активно используя провокационные методы в своей оперативно-разыскной деятельности. Неудивительно, что подобная практика стала предметом неоднократных жалоб российских граждан в ЕСПЧ, который принял по этому вопросу целый ряд постановлений, констатирующих, что полицейская провокация нарушает положения Конвенции.

Первым из них стало Постановление ЕСПЧ от 15 декабря 2005 г. по делу «Ваньян (Vanujan) против Российской Федерации», жалоба № 53203/99. Впоследствии отраженные в нем правовые позиции получили развитие в Постановлениях ЕСПЧ от 26 октября 2006 г. по делу «Худобин (Khudobin) против Российской Федерации», жалоба № 59696/00; от 4 ноября 2010 г. по делу «Банникова (Bannikova) против Российской Федерации», жалоба № 18757/06; от 2 октября 2012 г. по делу «Веселов и другие (Veselov and others) против Российской Федерации», жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10.

Обобщение практики ЕСПЧ позволяет выделить ряд отличительных признаков полицейской провокационной деятельности и выработать критерии ее отграничения от правомерных оперативно-разыскных мероприятий. Использование данных критериев позволяет избегать ошибок в досудебном и судебном производстве по уголовным делам.

Таким образом, грамотный подход правоприменителей в вопросах национального и международного правового регулирования положений уголовного законодательства, понимание ими доктринальных постулатов уголовного права в контексте уголовно-процессуальной деятельности позволяют минимизировать риски появления в уголовном деле следственных и судебных ошибок, связанных с неправильным применением материального (уголовного) закона и нарушениями его запретов. □

1. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 18.
2. Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1976. С. 7.
3. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М., 1996. С. 12.
4. Авторы учебников по уголовному праву, комментарии к УК РФ, как правило, в изложении придерживаются логики, заданной структурой УК РФ, и содержание текста выстраивают таким образом, чтобы предостеречь правоприменителя от ошибки. См., к примеру: Уголовное право.

Общая часть : учебник / под ред. А. Н. Тарбагаева. М., 2016. 448 с.

5. Назаров А. Д. Фундаментальные ошибки в уголовном судопроизводстве России // Вопросы теории и практики. М., 2011. С. 38–45; Он же. Ошибки при заключении под стражу как вид фундаментальных ошибок // Перспективные инновации в науке, образовании, производстве и транспорте : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Т. 15. Юридические и политические науки. Одесса, 2011. С. 3–8.

6. Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство РФ. Екатеринбург, 2011. С. 213.

7. Назаров А. Д. Европейский стандарт эффективного расследования – надежный механизм защиты от пыток в деятельности новой полиции России // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. материалов. Красноярск, 2011. С. 125–129.

8. «Greek case» (Denmark, Norway, Sweden and the Netherlands v. Greece N 3321/67, 3322/67, 3323/67 и 3324/67 (1969)) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

9. Решение по делу Аксой против Турции, п. 62 // Там же. 10. Мостипан против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 октября 2014 г. // Там же.

11. Гаврилов Б. Я., Боженок С. К вопросу о провокации преступлений (с учетом решений Европейского Суда по правам человека) // Рос. юстиция. 2006. № 5. С. 48.

12. Полный курс уголовного права. В 5 т. Т. 1. Преступление и наказание / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. С. 589.

13. Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 573.

14. Назаров А. Д., Мальтов С. Н., Стойко Н. Г. К вопросу о правовых последствиях провокаций в уголовном процессе // Право на судебную защиту в уголовном процессе: европейские стандарты и российская практика : сб. ст. Томск, 2007. С. 98–106.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мостипан против России : постановление Европ. суда по правам человека от 16 окт. 2014 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

Решение по делу Аксой против Турции, п. 62 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

Гаврилов Б. Я. К вопросу о провокации преступлений (с учетом решений Европейского Суда по правам человека) / Б. Я. Гаврилов, С. Боженок // Рос. юстиция. – 2006. – № 5. – С. 48–50.

Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство РФ / А. А. Давлетов. – Екатеринбург : [Б. и.], 2011. – 249 с.

Дикарев И. С. Понятие «фундаментальное нарушение» в уголовном процессе // Рос. юстиция. – 2009. – № 6. – С. 3–6.

Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – М. : Юрид. лит., 1972. – 352 с.

Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений / Б. А. Куринов. – М. : Изд-во МГУ, 1976. – 182 с.

Назаров А. Д. Европейский стандарт эффективного расследования – надежный механизм защиты от пыток в деятельности новой полиции России // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. материалов. – Красноярск, 2011. – С. 125–129.

Назаров А. Д. К вопросу о правовых последствиях провокаций в уголовном процессе / А. Д. Назаров,

С. Н. Мальтов, Н. Г. Стойко // Право на судебную защиту в уголовном процессе: европейские стандарты и российская практика : сб. статей. – Томск, 2007. – С. 98–106.

Назаров А. Д. Ошибки при заключении под стражу как вид фундаментальных ошибок // Перспективные инновации в науке, образовании, производстве и транспорте : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Т. 15. Юридические и политические науки. – Одесса, 2011. – С. 3–8.

Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А. А. Пионтковский. – М. : Госюриздат, 1961. – 666 с.

Полный курс уголовного права: В 5 т. Т. 1. Преступление и наказание / под ред. А. И. Коробеева. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. – 1133 с.

Уголовное право России. Особенная часть : учебник / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. – М. : Юристъ, 1996. – 560 с.

Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. А. Н. Тарбагаева. – М. : Проспект, 2016. – 448 с.

Greek case (Denmark, Norway, Sweden and the Netherlands v. Greece N 3321/67, 3322/67, 3323/67 и 3324/67 (1969)) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

Investigatory and Judicial Errors In the Context of Incorrect Application of the Criminal Law and Its Prohibitions Violations

© **Nazarov A., Mayorova L., 2016**

The article analyzes investigatory and judicial errors related to the incorrect application of the criminal law and presents their classification. It reasons the conclusion that prohibitions violations established in the criminal and criminal procedure legislation are the grounds for the reversal of preliminary investigation and court judgements. The article provides a comparison of the European Court of Human Rights decisions on such institutions as inadmissible evidence, inadmissibility of entrapment. Issues on compliance with legal European standards of legislative provisions in criminal matters are subject to consideration.

Key words: investigatory errors; judicial errors; instigating a crime; legal definiteness; legal procedure.